

УДК 81-13

Т. И. Семенова

ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА МОДУСА КАЖИМОСТИ

Образ мира как достояние индивида «симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживания» и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию [Залевская, 2001. С. 90–91]. Модус кажимости как один из способов представления языковой картины мира объективирует целостность разноуровневых когнитивных процессов – ощущений, впечатлений, мышления, воображения, их соучастие в репрезентации внешнего и внутреннего мира человека. Языковая картина мира, вербализуемая в модусе кажимости, носит антропоцентрический характер, поскольку преломляется через опыт взаимодействия индивида с миром.

Весь «жизненный горизонт», в котором человек обнаруживает себя, т. е. сферы бытия, «открываются человеку только в переживании, созерцании, ощущении и сущностной интуиции» [Плеснер, 2004. С. 51]. Человеческая концептуальная система является продуктом опыта людей, и этот опыт приходит через посредство тела [Лакофф, 2004. С. 273]. Ощущение, восприятие, как когнитивные процессы первичного уровня, отражают эмпирический опыт субъекта. Значимость чувственно-наглядного опыта в познавательной деятельности человека вводит в фокус рассмотрения языковую концептуализацию «человека ощущающего».

Двойственность человеческой природы (как субъекта и объекта познания) является исходным моментом в рамках проблематики исследования внутренней сферы человека как фрагмента языковой картины мира. Диалектическое единство двух нетождественных сущностей, которые в мышлении предстают как Я-субъект и Я-объект, отсылают к двум видам Эго – субъективному, ощущающему, внутреннему Эго и объективному, наблюдающему, внешнему. Как определенное выше «единство первого и третьего лица, Я конституируется как Я, будучи в одном лице *res cogitans* и *cogitatio*» [Плеснер, 2004. С. 61–62].

Диалектика внутренней и внешней позиции человека соотносится с категориями «Я» и «Другой». Философский аспект проблемы Другого акцентирует важность этого фактора для самопознания, самооценки, так как именно Другой является необходимым условием семиотизации личности, превращая субъект познания в его объект. «Другой», в понимании Э. Гуссерля, – это «Я сам, конституированный внутри своей собственной исходно-первичной сферы» [Гуссерль, 2001. С. 98]. Человек познает на опыте всю природу, в том числе и собственную телесность. Ж. П. Сартр, рассуждая о сложности постижения феномена собственного тела, приходит к выводу о том, что «мы можем принять точку зрения другого на наше собственное тело, или, если хотите, наше собственное тело может для нас появиться как тело другого» [Сартр, 2004. С. 375]. Точка зрения Ж. П. Сартра на собственное тело как объект познания для другого, в качестве которого может выступать сам чувствующий субъект, перекликается с мыслью М. М. Бахтина о постижимости тела сознанием: «Моя мысль помещает мое тело сплошь во внешний мир как предмет среди других предметов» [Бахтин, 1979. С. 27]. Человек как субъект рефлексии вычленяет самого себя, собственный организм как психофизическую наблюдаемую сущность, по отношению к которой он как наблюдатель является «референтной сущностью» [Матурана, 1996]. Отношение к собственному телу как к объекту находит языковое подтверждение, ср.: *When I stopped in front of the mirror over the sofa, I looked almost beautiful. There was a dreamy smile on my lips, and stars in my eyes* (Smith). Этот пример может служить иллюстрацией к рассуждению М. М. Бахтина о сложности феномена смотра на себя в зеркало. Сложность этого явления при кажущейся его простоте заключается в том, что это есть «встреча и взаимодействие чужих и своих глаз, пересечение кругозоров (своего и чужого), пересечение двух сознаний» [Бахтин, 1996. С. 346]. Стереоскопическая семантика модуса кажимости сигнализирует концептуализированное языком «раздвое-

ние» личности – «раздвоение» описания, введение оценки собственной внешности, своих действий с позиции «модусного» Я. Модус кажимости вербализует видение себя, говоря словами М. М. Бахтина, «сквозь призму оценивающей души возможного другого человека» [Бахтин, 1979. С. 28], ср.: *Wade stared at the policeman as he ran his sweating hand over his disheveled hair. He knew he must look pretty awful* [Chase] – герой осознает свой внешний вид «извне», глазами полицейского. Человек глядит на себя глазами другого, оценивает себя с точки зрения другого, – своими и чужими глазами одновременно. Быть увиденным другим значит, по мнению Ж. П. Сартра, «уметь разъяснить смысл взгляда другого» [Сартр, 2004. С. 280].

Предметом настоящего анализа является семантика синтаксических моделей, объективирующих ощущения, чувства, переживания, мысли, т. е. «внутреннюю» сферу человека, онтологически недоступную наблюдению со стороны. Языковым выражением внутренней сферы человека являются предложения типа: *My face felt scrubby; Every muscle seemed to ache; The flight seemed bumpy; The room seemed hot; The rain felt cold against my face; The house felt lonely*. Семантическим признаком, объединяющим все названные выше типы моделей, является их антропоцентрический характер. «Человеческий» аспект проявляется через семантику предикативного компонента, номинирующего эмпирические признаки. Предикативные признаки в анализируемых моделях обозначаются прилагательными, которые можно сформировать в три подгруппы. Денотаты прилагательных **первой** подгруппы обозначают тактильно воспринимаемые признаки – *scrubby, sticky, clammy, moist, dry, cold, cool, hot, warm, bristly, rough, tight* (гладкий, влажный, шероховатый, сырой, холодный, теплый, сухой, липкий, тесный); **вторая** подгруппа объединяет прилагательные, обозначающие статические и кинестетические ощущения – *strong, heavy, unsteady, bumpy* (тяжелый, тесный, неровный, тряский, ухабистый). **Третья** подгруппа включает прилагательные, обозначающие ненаблюдаемые признаки, которые номинируют органические ощущения (голод, жажда, боль), ощущения внутренних органов, такие как *swollen, stiff, sore, frozen* (распухший, неподвижный, болезненный, воспаленный, замерзший). Антропоцентрический характер признака проявляется в ярко выраженной ориентации на самого человека, его вовлеченности во

взаимодействие с внешним миром. Признак предмета предстает с «внутренней» точки зрения, поскольку он концептуализируется через личный опыт чувствующего субъекта, через его реакцию, ощущение при взаимодействии с объектом. Признаки такого рода описываются как «эмпирические» [Шрамм, 1979. С. 21] или в терминологии Г. И. Кустовой эспериенциальные. В отличие от параметрических признаков, эспериенциальные нельзя зафиксировать путем наблюдения «со стороны» – они обнаруживаются при взаимодействии с объектом или со средой [Кустова, 2002].

Наблюдаемые перцептивные характеристики могут быть предцированы только чувствующим субъектом, в связи с чем правомерно утверждать способность глаголов *feel* и *seem* маркировать не только синтагматическую связь между носителем признака и самим предикативным признаком, но также выполнять содержательную функцию – сигнализировать присутствие человека и его роль в структуре языкового отражения. По своей сути предложения типа *My face felt scrubby* совмещают два вида информации: о предмете и его признаке (*My face – scrubby*) и об ощущении имплицитного субъекта. Специфика семантики высказываний с модусом кажимости заключается в совмещенной номинации свойства объекта и ощущения субъекта, суть данного языкового явления обусловлена наложением (имбрикацией) предикатных схем [Степанов, 1981. С. 244], в других терминах – «синтагматической амальгамацией» [Прохорова, 1995. С. 24]. Соположенность предикатов связана с противопоставлением отношения диктум – модус в структуре предложения. Субъект восприятия в высказываниях с модусом кажимости синкретично выполняет роль субъекта модуса, так как именно его модусная квалификация диктумного содержания представлена в предложении. Специфика модусного компонента с семантикой кажимости заключается в его нерасчлененности с диктумом, модус как бы встраивается внутрь диктума, имеет внутрипропозитивный характер, а не занимает отдельной синтаксической позиции. Имплицитность субъекта восприятия в анализируемых моделях предопределена прототипической ситуацией восприятия, ведь не существует «ничьих» ощущений, мыслей и чувств, они онтологически субъективны (об обязательности присутствия Экспериментера в семантической структуре интенциональных предикатов см.: [Балли, 1955; Fillmore, 1977; Ljung, 1980; Searle, 1999]).

Прототипическое внутреннее состояние предполагает онтологическую связь между человеком и ситуацией внешнего мира: человеку может быть *больно, тяжело, душно, горячо*, когда на него никто специально *не давит, не причиняет боль* и т. д. Эти ощущения не являются результатом «направленного» воздействия, они обусловлены биопсихосоциальной сущностью человека, его способностью ощущать, воспринимать действительность и реагировать на внешние условия. Для обозначения реакции человека на окружающий его мир Г. И. Кустовой введено понятие «экспериментальной каузации», которая «может быть просто результатом наличия во внешнем мире какой-то ситуации, с которой человек находится в контакте и на которую он реагирует» [Кустова, 2002а. С. 24]. Содержанием референтной ситуации, концептуализируемой глаголами *feel* и *seem* являются внутренние, телесные ощущения, каузируемые в ситуации взаимодействия человека с внешним миром. Каузативное отношение подтверждается наличием каузативного компонента в семантике названных глаголов, ср.: *feel* – ‘give or produce an impression of being’, *seem* – ‘have/give an impression of being’ [Longman].

Внутренние ощущения человека вербализуются через когнитивную метонимическую модель, в которой субъект ощущения контекстуализируется через свою «чувствующую часть». Отношение часть–целое позволяет соотнести состояние или процесс, локализованный в какой-либо части тела с целым – субъектом, который проявляет свое присутствие в семантической структуре через языковые единицы, обозначающие «неотторжимую принадлежность» [Журиная, 1979], – части тела человека, субстанции (кровь, слюна), находящиеся внутри тела – *body, face, lips, cheeks, tongue, mouth, stomach, arm, hand, fingers, feet, legs, skin, lungs, heart, blood, saliva* и т. д., ср.: *My face felt stiff as I tried to match his grin* [Chase]; *I could hear the blood in my ears, and my lips felt swollen* [Hammet]; *My mouth was bone-dry and my tongue seemed too big for it* [King]; *My feet now felt too heavy for swimming and my sneakers weighed a ton* [Ibid]; *My skin felt more than cold, it felt numb* [Chase]. Телесные ощущения концептуализируются как локализованные внутри того или иного органа, и он представлен как «страдательный», испытывающий то или иное телесное ощущение, хотя из психологии известно, что внутренние органы «имеют свое представительство в коре полушарий головного мозга» [Рубинштейн, 1998.

С. 190], и боль, ощущения, мысли – это ментальные сущности, вызванные процессами, происходящими в мозге, куда поступают сигналы от локализованных в различных внутренних органах интероцепторов. В буквальном смысле слова «боль – в – ноге находится в физическом пространстве мозга» [Серл, 2002. С. 76]. Человек познает мир как целостная психическая реальность, и тело существует в неразрывном единстве этой целостности, «которую мы называем «человеческой реальностью» [Сартр, 2004. С. 248].

Внутренние состояния и телесные ощущения визуально ненаблюдаемы, они «независимы от наблюдателя» (*they are observer-independent*) [Searle, 1999. С. 94], во всяком случае, признак внешней выявленности состояния не маркирован. Семантическим инвариантом английских предложений, номинирующих внутренние ощущения, является наличие в глубинной структуре признака ‘*not because I want it*’ (‘не потому, что я хочу’) [Wierzbicka, 1980. С. 138]. Чувствующий субъект не прикладывает никаких усилий для возникновения, поддержания своего внутреннего состояния, оно представлено как неконтролируемое, хотя субъект осознает, что внутри него (в определенной части тела), в определенный момент бытия что-то происходит, ср.: «*Do you like it here, pal? Don't you find it lonely?*» – ‘*I'm used to it*’, *I said, aware my lips felt stiff* [Chase]. Независимость предикативного признака от воли субъекта – его носителя, инволютивность постулируется как один из основных признаков, характеризующих предикаты состояния [СТП, 1982; Золотова и др., 2004; Сулейманова, 2000]. События внутреннего мира человека концептуализируются как происходящие в силу действия внутренних факторов. Внутренние ощущения представляются через толкование: *что-то в моем теле говорит мне что-то* (т. е. *что-то происходит в моем теле, что информирует меня о чем-то*) [Wierzbicka, 1980. С. 127]. Осознание субъектом своих ощущений, чувств, мыслей, данных ему во внутреннем опыте, «может приниматься в качестве критерия их существования во внутреннем пространстве человека, а, следовательно, достоверности соответствующего суждения относительно субъекта» [Арутюнова, 2000. С. 27]. Высказывания, объективирующие эмпирический опыт субъекта, защищены от ошибки – «*they are mistake-proof*», в связи с чем их невозможно поставить под сомнение или подвергнуть действию отрицания [Ljung, 1980. С. 50].

В предложениях с глаголами *feel*, *seem*, объективирующих внутреннюю сферу человека, обнаруживаются релевантные семантические различия ср.: *The floor felt unsteady* [George] – Пол показался (ощуцался) неровным (личные ощущения субъекта); *Sam seemed unsteady* [Chase] – Сэм показался нетвердо стоящим на ногах (впечатление со стороны). Представление эмпирического опыта самим субъектом и интерпретация внешних проявлений сторонним наблюдателем отражает предложенные Б. А. Успенским два принципа описания, обозначенные как описание «извне» и описание «изнутри», как система «внешней» и «внутренней» точек зрения [Успенский, 1995. С. 173]. Внутренняя точка зрения представляет мысли, переживания, чувства героя как бы «изнутри», через восприятие субъекта, а точка зрения «извне», т. е. отчужденная точка зрения, предполагает взгляд со стороны. Персонаж является носителем психологической точки зрения автора [Там же], его «функциональным аналогом», «фокусом эмпатии» [Падучева, 1991], в таком случае автор встает на точку зрения персонажа, «никак не обнаруживая расстояние между собственной субъектной сферой и субъектной сферой героя, который является одновременно субъектом воспринимающим и мыслящим» [Золотова и др., 2004. С. 283].

Для проникновения во внутреннюю сферу персонажа необходимо «вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его» [Бахтин, 1979. С. 24]. Проникновение, «вживание» по М. М. Бахтину, автора в героя, реализуется посредством Я-модусной рамки (внутренней модусной рамки), позволяющей проникнуть во внутреннюю сферу человека через его самоощущение и самонаблюдение. Я-модусная рамка вербализуется при помощи перцептивных и ментальных предикатов. Не-Я-модусная рамка (внешняя модусная рамка) предполагает взгляд со стороны, этот тип модусной рамки материализуется посредством специальных модальных слов «остранения» (термин В. Шкловского) типа «видимо», «очевидно», «как будто», «казалось», обнаруживающих точку зрения субъекта модуса, отличного от диктумного субъекта (о типах модусов и типологии модусных рамок см.: [Арутюнова, 1988; Степанов, 1981; Золотова

и др., 2004]). Выбор модусных рамок предопределен коммуникативным намерением говорящего и составляет интенциональную составляющую высказывания.

Глаголы *seem*, *feel* обозначают физиологические ощущения субъекта и процесс непосредственного переживания в высказываниях не только с первым лицом, но и с третьим, с точки зрения персонажа как «квазинаблюдателя» [Вольф, 1999. С. 71]. При форме 3-го лица модусная рамка не перестает быть Я-рамкой [Золотова и др., 2004. С. 284]. Повествование от третьего лица можно представить как специальный случай преобразования *Icherzalung* [Успенский, 1995. С. 117], 3-е лицо в подобных модусных рамках свидетельствует о переключении точки зрения автора в ментальную зону героя [Золотова и др., С. 284], что позволяет проникнуть в содержание его ментальной и перцептивной деятельности, ср.: *Gloria's cheeks felt hot again (Brown); At first Michael was afraid and his stomach felt hollow [Fitzgerald]; His legs felt rubbery and ached at the joints [Cheever]*. Описываемые ситуации имеют антропологическую природу, они фиксируют внутренние ненаблюдаемые ощущения.

Наличием Я-модусной рамки объясняется употребление инфинитива длительного и недлительного вида в позиции предикатного актанта после глагола *seem*, поскольку точка зрения «изнутри» вводит в рассмотрение ненаблюдаемые со стороны процессы и органические ощущения, и только сам человек ощущает, как у него учащенно бьется сердце, не хватает дыхания, все болит, тяжело передвигаться и т. д., т. е. воспроизводится ситуация «вторжения вовнутрь», в сферу ощущений человека, ср.: *His arm seemed to swell out and fall with every heart beat [Steinbeck]; Every muscle seemed to ache [Sheldon]; «...» with every rung higher his body seemed to weigh more heavily [M A R]; His blood seemed to curdle in the hot bristling Atlantic air [Ibid]; Her tongue began to bother her. It seemed to fill her mouth. And when she licked at the drops of sweat it felt as large as her hand [McMurtry]*.

Как отмечается, в частности [Арутюнова, 1976. С. 95], ненаблюдаемый внутренний мир моделируется языком по образцу наблюдаемого, внешнего, материального мира. При отсутствии наблюдаемой динамики – жестов, телодвижений, поведенческих реакций, – внутренний мир персонажа, процесс его эмоциональных переживаний предстает косвенно, через внутреннюю динамику ощущаемых признаков, обра-

зующих движущий мир внутреннего человека, ср.: *Her heart seemed to be beating in her neck and throat as she walked* [Susans]; *His heart seemed to be ripping slowly in his breast* [Lawrence]; *His heart seemed almost to be bursting with the restraint he put on it* [Ibid]. Судя по примерам – *сердце, казалось, бьется в горле; сердце, казалось, вырывается из груди* – осязаемые ритмы сердца представляют душевное движение. Движение внутри человека осуществляется от внешнего к внутреннему, от физиологии к эмоциональной сфере, персонаж как бы смотрит на себя со стороны, модус кажимости эксплицирует отчуждение от себя самого.

Внутренние ощущения эксплицируются также в высказываниях с инфинитивом, образованным от глаголов физического воздействия, повреждения – *sting, suck, blind, press, pinch*, которые прототипически подразумевают агентивного субъекта, однако в высказываниях с модусом кажимости утрачивают акциональный смысл и передают телесные ощущения: *The sweat seemed to be stinging my eyes; I took the clean handkerchief out of my breast pocket* [Braine]. Ощущение, которое испытывал субъект, можно описать следующим образом: *Пот, казалось, щипал глаза*. В контексте модуса кажимости экспериментальное значение развивают глаголы, обозначающие кинестетические ощущения: перемещение, изменение положения тела в пространстве – *sink, swing, sway*, ср.: «...» *but the morning giddiness lasted, my limbs were heavy, as I walked the pavement seemed to sink* [Ibid] – букв.: *Тротуар, казалось, ушел из-под ног*. Эти ситуации представлены через ощущения человека, для внешнего наблюдателя они абсолютно статичны в том смысле, что с предметами в позиции субъекта ничего не происходит, в ситуации описываются субъективные ощущения человека при взаимодействии с внешним миром. Субъект не контролирует процесс, но он ощущает внутреннюю связь с ним. Причастность интерпретируется как установление внутренней связи субъекта с процессом. Глаголы *seem, feel* связывают субъект и признак, они функционируют как предикаты для обозначения ощущений, состояний, так как своей семантикой указывают на одно из основных свойств структуры состояния – отсутствие волевой активности чувствующего субъекта. В результате перекаатегоризации [Болдырев, 2000] семантической функцией акциональных глаголов становится обозначение того, «каким образом (или посредством чего) достигается то

или иное конкретное ощущение» [Селиверстова, 1979. С. 190]. Субъект ощущения не представлен в поверхностной структуре, но он предопределен семантикой конструкции и восстанавливается из контекста, в отличие от конструкций типа *The cotton washes easily*, в которых, как убедительно показывает Л. М. Ковалева, «речь идет о нереперентном, обобщенном характере субъекта – он не может быть установлен ни из самой конструкции, ни из широкого контекста» [Ковалева, 1978. С. 148].

Еще одним способом языковой реализации «человека ощущающего», является синтаксическая модель с лексемами-номинациями различных объектов, задействованных в предметной деятельности человека (одежда, обувь, постельные принадлежности), а также названия помещений, окружающей среды, Когнитивное содержание высказываний данного типа заключается в ориентации на непосредственный чувственный опыт человека, информация в таком случае категоризуется как результат первичной когнитивной деятельности воспринимающего субъекта, который имплицитно входит в семантическую структуру высказывания, ср.: *They lifted him up and carried him into the hall and out of the front door. Then they put the body down, it seemed fearfully heavy* [Maugham]. Предиктируемый признак *heavy* представлен как экспериментальный опыт конкретных лиц, у которых возникает ощущение *тяжело нести* (об ощущении *тяжело* см.: [Кустова, 2002б]). Тяжесть проявляется в ситуации взаимодействия человека с объектами, которые сами по себе могут и не иметь большой вес, но *кажутся*, ощущаются как тяжелые, ср.: *The wind struck cold through my thin suit and my briefcase seemed very heavy. I was the commercial traveller coming back home, the tired bagman* [Braine]. Ощущение тяжести передается также в конструкциях с глаголом *feel*: *His hand dropped from the back of the sofa onto her shoulders. She pretended not to notice, but it felt heavy* [Susans].

Введение модуса кажимости в высказывание, содержащее предикативный температурный признак, также сигнализирует результат перцептивного взаимодействия субъекта с окружающей действительностью. Во многих языках прилагательные, обозначающие температуру, используются и для обозначения температурных ощущений, обеспечиваемых ношением той или иной одежды [Мерзлякова, 2003]. Возникающие при этом температурные ощущения оцениваются как непривычные, неожидан-

ные, некомфортные, нарушающие какие-то «средние» ожидания человека от свойств объекта. Некомфортность ощущений объясняет стремление человека избавиться от каузирующего фактора, что находит языковое подтверждение, ср.: *My bathing suit feels so cold, I'm going to take it off* [Brown]; *My clothes felt wet and clammy and I slapped my arms to keep the circulation going* [Hemingway]. Признак *cold* не является объективным признаком ни предмета *bathing suit*, ни *clothes*, это описание ощущения, возникающего у человека, при контакте с названными предметами. Свойство предмета концептуализируется через субъективное восприятие человека, через его реакцию на воздействующий фактор.

Семантический признак 'каузирующий температурное ощущение' также актуализируется при заполнении позиции носителя предикативного признака названиями помещений (*the room, the office, the house*). Предицируемый температурный признак характеризует, строго говоря, не помещение, а физиологическую температурную реакцию субъекта, в фокусе внимания оказываются текущие чувственные впечатления человека, находящегося в данном локусе, ср.: *She was perspiring, and the room seemed unbearably hot* [Sheldon]; *She began to shiver. The passageway had never felt so cold* [Brown]. В вышеприведенных примерах речь идет о том, что кому-то жарко, холодно в названных помещениях. Способностью совмещать в своей семантике характеристику помещения через субъективное ощущение лица обусловлено двойственное положение русских синтаксических моделей с предметно-пространственным носителем признака типа *В доме холодно / тепло / душно* [Золотова и др., 2004. С. 195].

Значение прилагательного в анализируемых моделях связано с существительным не напрямую, как «естественный» признак объекта, а через чувствующего субъекта, через его контакт с объектом, поскольку «свойства тел не означают чего-либо собственного данному отдельному объекту, а определяют результат взаимодействия его с некоторым вторым объектом (в том числе с нашими органами чувств)» [Гельмгольц, 1975. С. 78]. З. Вендлер в известной статье «О слове *good*» ставит вопрос о том, какими способами прилагательное может быть связано по смыслу с существительным [Вендлер, 1981. С. 534]. Так, прилагательное *uncomfortable*, обозначающее свойство «быть удобным» характеризует признак предмета *chair* через воздействие, произво-

димое на человека – *на стуле неудобно сидеть*, ср.: *A derelict striped canvas chair coaxed me into its canvas nest. It felt exactly like the famous Barcelona chair – very uncomfortable* [Smith]. Наличие языковых структур, номинирующих чувственные впечатления, подтверждает динамический, изменяющийся характер мира по отношению к человеку, свойства мира «концептуализируются через призму действий и восприятий людей, которые пользуются предметами и воспринимают их действия» [Янко, 2000. С. 528].

Телесные ощущения обусловлены контактом кожной поверхности тела с внешней средой. Как известно, в человеческой коже содержится огромное количество рецепторов, реагирующих на боль, температуру, прикосновение, давление, на неровности и шероховатости тела или другого материального предмета. Контактный признак отсутствует в поверхностной структуре модели типа *The floor felt unsteady*, так как он предполагается заданным и принадлежит пресуппозиции высказывания. В других случаях локальный характер контакта может входить в ассертивную часть высказывания, модель при этом приобретает синтаксическую модификацию с локальным уточнителем, который объективируется пространственными предлогами *on, in, against, beneath*, ср.: *Her hair felt hot and heavy on her neck* [Brown]; *The rain felt cold against my face* [Chase]; *The grass felt wonderfully cool and soothing beneath her feet* [Brown]. Локальный уточнитель задает часть тела человека, некое локальное пространство, где имеет место контакт. Показательно, что в позиции локального уточнителя не употребляются названия неодушевленных предметов, и возможная замена приводит к созданию неотмеченного высказывания: **Her hair felt hot and heavy on her dress*; **The rain felt cold against the fence*. Локальный уточнитель не выводит контакт за рамки физического пространства человека. Ситуация контакта обозначается также глаголами, в ассертивную часть толкования которых входит значение деятельности, сопряженной, как правило, с непродолжительным контактом, – *touch, brush, hug, kiss, shake*, ср.: *Jennifer gently put her arms around Joshua and hugged him. His body seemed frail* [Sheldon]; *But the tiny shoulders felt even more frail as the two women kissed at the airport* [Ibid];

Поскольку восприятие (в широком смысле) лежит в основе эмоциональных реакций, эмотивные значения совместимы с пер-

цептивными [Арутюнова, 1999. С. 438]. Чувственное восприятие и эмоциональная оценка совмещены во времени и эмоциональная окраска придается самому процессу восприятия. Оценочные предикативы в анализируемых моделях относятся к категории сенсорных оценок, т. е. оценок, связанных с чувственным опытом, они не мотивируются, редко открывают валентность на причинное предложение вследствие того, что «оценка прямо проистекает из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля испытывает человек» [Арутюнова, 1999. С. 199]. Модели с языковыми единицами кажимости несут информацию о построении отображения в рамках «эмоционального» сознания [Селиверстова, 1979]. В примерах ниже дескриптивные признаки концептуализируют объективные свойства предметов – *тяжелый* пистолет, *холодная* вода. Предметы и явления, квалифицируемые этими дескриптивными признаками, выступают в роли каузаторов эмоциональной реакции, ср.: *The heavy⁴⁵ felt awkward in my hand, but it gave me a lot of comfort* [Chase]; *The cold shower felt wonderful* [Sheldon]. Каузирующее событие в диктуме может быть представлено неличными формами глагола как, например: *Being outside felt good – she had spent too much time in little hot rooms, looking at ceilings* [McMurtry]. Модусные оценочные прилагательные *wonderful, awkward, good* соотносятся с интенциональной (эмоционально-ментальной) сферой, они идентифицируют актуальные приятные / неприятные ощущения человека, вызванные некоторыми действиями, в фокусе внимания оказывается не само каузирующее событие, а характер его воздействия на эмоциональную сферу воспринимающего субъекта – *приятно принимать прохладный душ, неудобно держать пистолет в руке*.

Интерпретирующий характер восприятия проявляется в избирательности при категоризации воспринимаемой действительности. В результате одна и та же онтологическая ситуация, одно и то же объективное положение дел «могут быть увидены и осмыслены эпистемологически по-разному» [Кубрякова, 2004. С. 437]. Так, например, ощущения человека в результате физического контакта с окружающей действительностью могут иметь различное языковое выражение, ср.:

a) *I could feel the cool air against my skin and the occasional bite of a rock into my bare sole or heel* [King];

б) «...» *the air that touched their hands and faces felt very soft* [Cheever].

Как интерпретировать эти языковые данные? Высказывание (а) иконически отражает ситуацию восприятия, в структуру которой входит субъект восприятия, объект восприятия, воспринимаемое свойство объекта; высказывание (б) является как бы «зеркальным» отражением аналогичной денотативной ситуации – роль семантического субъекта в глубинной структуре предложения получает неодушевленный предмет, которому предиктируется способность чувствовать, он становится когнитивно выделенным компонентом референтной ситуации. Воспринимающий субъект (Экспериментер) в данном случае оказывается, в понимании Е. В. Падучевой, «За кадром» [Падучева, 2000]. В основе семантической деривации глагола *feel* лежит «диатетический сдвиг, метонимия в широком смысле, – смещение фокуса внимания, т. е. обозначение той же ситуации с помощью иной синтаксической модели и, следовательно, с новым членением на тему и рему» [Там же. С. 191].

В высказываниях с модусом кажимости, вербализующих экспериментальный опыт субъекта, на первый план выдвигается эмпатический, апеллятивный подтекст. Говорящий выражает свое ощущение от непосредственного контакта с предметом и стремится передать это впечатление адресату, который как бы приобщается к чувственному образу, созданному говорящим. Коммуникативную перспективу высказываний, отражающих эмпирический опыт субъекта, можно определить словами Б. М. Гаспарова: «понять такого рода высказывания – означает не столько принять к сведению его смысл, сколько приобщиться к тому ощущению, которое данное высказывание вызывает в виде целостного нечлененого образа» [Гаспаров, 1996. С. 227].

Анализ языковой реализации экспериментального опыта человека позволил выделить синтаксические модели с глаголами *feel* и *seem*, объективирующие внутреннюю сферу человека. Модус кажимости является языковым средством доступа к внутреннему миру человека, его переживаниям, мыслям, намерениям. Возможность репрезентации внутренних состояний чувствующего субъекта «изнутри», через Я-модусную рамку, обусловлена кореферентностью субъекта диктума и субъекта модуса. Высказывания с модусом кажимости, отражающие экспериментальный опыт субъекта, являются конвенциональным языковым средством фоку-

сировки внимания на когнитивно значимых компонентах референтной ситуации.

The article focuses on the semantic analysis of expressions referring to bodily sensations and internal experience. The present article considers two understandings of the language structures designating bodily feelings: 'experiencing' (feel-constructions) and 'displaying' (seem-constructions).

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. 896 с.
- Арутюнова Н. Д.* Знать себя и знать Другого // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 22–41.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин М. М.* Собр. соч. М.: «Рус. слов.», 1997. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. 731 с.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. 123 с.
- Вендлер З.* О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 531–534.
- Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
- Гельмгольц Г.* О восприятиях вообще // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 61–87.
- Гуссерль Э.* Картезианские медитации // Гуссерль Э. Собр. соч. / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Дом интеллект. кн., 2001. Т. 4. 141 с.
- Журильская М. А.* Особенности функционирования слов с релятивным типом семантики (на материале обозначения неотторжимой принадлежности): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 198 с.
- Залевская А. А.* Текст и его понимание: Моногр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
- Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М., 2004. 544 с.
- Ковалева Л. М.* Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1978. 224 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Кустова Г. И.* О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002а. С. 16–34.
- Кустова Г. И.* Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. М., 2002б. Вып. 37. С. 116–146.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
- Мерзлякова А. Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков. М.: Едиториал УРСС, 2003. 352 с.
- Падучева Е. В.* Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 164–168.
- Падучева Е. В.* Наблюдатель как Экспертиент «За кадром» // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 185–201.
- Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию: Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- Прохорова О. Н.* Синтаксис связанных структур, образованных по типу комплексов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Спб., 1995. 36 с.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. СПб.: Питер, 1998. 688 с.
- Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч., В. И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.
- Селиверстова О. Н.* Константность и вариативность в семантической структуре

многозначных слов типа *take* // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 27–107.

Серл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

СТП 1982. – Семантические типы предикатов / Под ред. О. Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. 364 с.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.

Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 51 с.

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. 360 с.

Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 132 с.

Янко Т. Е. Глагол *гласить*: от звука к знаку // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. ред. и рук. Н. Д. Арутюновой. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 527–539.

Fillmore Ch. J. The case for case reopened // Syntax and semantics. Vol. 8. Grammatical relations. N. Y. etc.: Academic Press, 1977. P. 59–81.

Ljung M. Reflections on the English progressive // Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46. 166 p.

Searle J. R. Mind, language and society. Philosophy in the real world. Basic Books, N. Y., 1999. 175 p.

Wierzbicka A. Lingua mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney etc.: Academic Press, 1980. 367 p.

Источники

Braine J. Life at the Top. Penguin Books, 1965. 255 p.

Brown S. Slow Heat in Heaven. N. Y.: Warner Books Edition, 1988. 455 p.

Chase J. H. A Lotus for Miss Quon. M.: Менеджер, 2004. 224 p.

Cheever J. Selected Prose. M.: Менеджер, 2003. 304 p.

Fitzgerald F. S. Selected Prose. M.: Менеджер, 2000. 304 p.

George E. Payment in Blood. Bantam Books, 1990. 412 p.

Hammett D. The Thin Man. M. Paduga Publishers, 2003. 224 p.

Hemingway E. The Essential Hemingway. Penguin Books, 1964. 471 p.

King S. Bag of Bones. Pocket Books, 1998. 732 p.

Lawrence D. H. Sons and Lovers. Penguin Books Ltd., England, 1995. 420 p.

MAR. Making it All Right. Modern English Short Stories. M.: Progress Publishers, 1978. 458 p.

Maugham I. W. S. Cakes and Ale. M.: Progress Publishers, 1980. 229 p.

McMurtry L. Lonesome Dove. Pocket Books, 1995. 945 p.

Sheldon S. If Tomorrow Comes. L.: Pan Books Ltd., 1985. 384 p.

Smith J. The Polka Dot Nude. N. Y.: Jove Books, 1989. 203 p.

Steinbeck J. The Red Pony and Other Stories. M. Paduga Publishers, 2002. 272 p.

Susans J. Once is not Enough. Bantam Books, 1973. 453 p.